

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-153-165

ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ ВО ФРАНЦИИ

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена становлению и современному состоянию системы групп интересов во Франции. Автор показывает, что развитие французской системы групп интересов происходило под воздействием исторических, культурных, социальных и институциональных факторов. Для исследователей компаративистов, занимающихся анализом групп интересов в различных странах, французский пример представляет собой особый случай, так как не позволяет отнести его к классическим типам систем групп интересов — корпоративистскому или плюралистическому. Хотя изначально французская модель была ближе к корпоративизму, в ней традиционно значительно меньшую роль играли профсоюзы, важнейший элемент классических корпоративистских систем. К тому же во Франции существует традиция тесного межэлитного взаимодействия, что напрямую отражается и на системе групп интересов. Наиболее влиятельными группами являются те, что пользуются привилегированными отношениями с представителями власти — это позволяет говорить об урезанном, секторальном корпоративизме. Вместе с тем, в развитии французской системы групп интересов прослеживаются и плюралистические тенденции. Однако во Франции плюрализация системы групп интересов связана не столько с развитием рыночных отношений, сколько с фрагментарной структурой государственной власти, в которой процесс принятия решений сосредоточен в плюралистических и в то же время элитарных сообществах. Автор приходит к выводу, что особенности развития политической системы и политической культуры во Франции привели к существованию такой системы групп интересов, которая совмещает в себе черты и корпоративистской, и плюралистической, однако логика их взаимодействия с властью подчинена принципу межэлитного взаимодействия.

Ключевые слова: группы интересов, система групп интересов, корпоративизм, неокорпоративизм, плюрализм, политические элиты, французская политика.

* Каневский Павел Сергеевич, e-mail: baggio-18@yandex.ru

GENESIS AND CURRENT STATE OF INTEREST GROUPS SYSTEM IN FRANCE

Kanevskiy Pavel S., Associate Professor, Candidate of Political Science, Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: baggio-18@yandex.ru

The article is dedicated to development and current state of the interest groups system in France. The author shows that the development of the French interest groups system occurred under the influence of historical, cultural, social and institutional factors. For comparative researchers who analyze interest groups in different countries France represents a special case since it cannot be classified as either corporatist or pluralistic. Although initially the French model was closer to corporatism, the trade unions — an essential element of classical corporatist systems — always played much smaller role. In addition, in France there is a tradition of close interaction between elites, which directly affects the interest groups system. The most influential groups are those that enjoy privileged access to government officials which allows us to talk about sectoral corporatism. At the same time, pluralistic tendencies can be traced in the development of the French interest groups system. However, in France, the pluralization of the interest groups system is associated not with the development of market relations but with the fragmented structure of state power, in which the decision-making process is concentrated in pluralistic and at the same time elitist communities. The author concludes that the peculiarities of the development of the political system and political culture in France led to the existence of such a system of interest groups that combines both corporate and pluralistic features, but the logic of their interaction with the government is based on the principle of inter-elite interaction.

Key words: *interest groups, system of interest groups, corporatism, neo-corporatism, pluralism, political elites, French politics.*

В политической науке существует четкое разделение систем групп интересов на два типа: плюралистический и демократический корпоративистский или неокорпоративистский. Отличительными чертами плюралистических систем, присущих, в первую очередь, США, Великобритании и странам Содружества, является то, что членство в группах носит добровольный характер, они чаще имеют свободную и децентрализованную организационную структуру, а также в большинстве случаев отделены и независимы от правительства. В рамках подобной системы существует множество особых секторов общественных интересов или, если воспользоваться терминологией Р. Даля, — сфер принятия решений. Каждая из сфер принятия решений представлена самыми разными группами интересов — от ассоциаций до профсоюзов, — которые ведут конкурентную борьбу между собой за право доступа к центрам власти.

В демократических корпоративистских системах, существующих в наиболее классическом виде в странах Скандинавии, в Германии, Австрии, Нидерландах, взаимодействие групп интересов друг с другом и центрами принятия решений носит более упорядоченный и вертикальный характер. В такого рода системах существует тенденция к тому, что социетальный интерес будет представлен большими головными ассоциациями, имеющими централизованную структуру, обязательное членство и четкую внутриорганизационную дисциплину. Выработка курса чаще всего осуществляется государством и подобными ассоциациями совместно по установленным формальным и соблюдаемым всеми правилам.

Однако самая большая методологическая проблема, с которой сталкиваются исследователи систем групп интересов, заключается в том, что сегодня и плюрализм, и корпоративизм представляют собой скорее идеальные модели. Возникает вопрос, как использовать данные модели для анализа стран, политические традиции которых отличаются от классических траекторий развития плюрализма и корпоративизма. Причем данная проблема существует не только применительно к так называемым “незападным” странам, но и к тем государствам, которые можно считать ядром западной цивилизации.

Одним из наиболее ярких примеров подобной дилеммы является система групп интересов во Франции. Ее нельзя однозначно причислить ни к традиционным плюралистическим системам, ни к корпоративистским, хотя содержит в себе черты и тех, и других. Французская система групп интересов характеризуется тем, что она находится под влиянием расколотой политической культуры, высокого уровня политической конфликтности и нестабильного отношения групп интересов друг с другом и с государством. Говоря о Франции, Г. Алмонд заметил, что “культурно и политически фрагментированное общество, выбирающее своих представителей по пропорциональной системе, способно формировать лишь слабые и нестабильные коалиции”¹. К тому же в основе партийной конкуренции лежат острые идеологические и классовые противоречия, которые формируют более непримиримые политические блоки, включая блоки групп интересов, которые также стремятся к поляризации по целому ряду ключевых вопросов. В результате партийные системы не могут эффективно справляться с агрегацией интересов так же как это происходит в англо-саксонских или западноевропейских корпоративистских странах. Если плюралистическая система групп

¹ *Almond G. A Comparative study of interest groups and the political process // The American Political Science Review. 1958. Vol. 52. N 1. P. 278.*

интересов характеризуется конкуренцией, которая регулируется писаными и неписаными нормами, корпоративизм — согласованием интересов исходя из межгрупповой солидарности и культуры компромисса, то французская политическая культура долгое время способствовала развитию непостоянного и неформального механизма взаимодействия между группами интересов и органами власти. К тому же в отличие от корпоративистских моделей в Австрии, Германии и в странах Скандинавии, французский корпоративизм развивался менее равномерно, так как традиционно включал представителей индустрии, однако гораздо менее эффективно представлял интересы профсоюзов. Исходя из этого, Дж. Килер использовал по отношению к Франции знаменитый оборот “корпоративизм без труда”, имея ввиду, что корпоративизм распространился лишь на часть общественных отношений и не превратился в полноценную модель социального партнерства².

Во Франции группы интересов вынуждены действовать в более нестабильном и идеологически поляризованном политическом пространстве, а каналы и стратегии их взаимодействия с законодательной и исполнительной властью периодически изменяются под воздействием изменений в самой политической системе. В условиях партийной системы, пребывающей в перманентном состоянии конфликта, крупнейшие группы интересов, особенно представляющие экономический сектор, ищут способы обезопасить себя от политической нестабильности и формируют более прочные связи с правительствами и бюрократией, что позволяет им избежать политической волатильности. Именно поэтому А. Хикс называет Францию страной “капиталистического этатизма”, подчеркивая взаимосвязь между традицией сильного государства и крупного капитала³. В ситуации, когда отсутствует эффективная система сдержек, существует стремление наиболее влиятельных групп интересов доминировать в политическом процессе.

Если обратиться к истории, мы увидим, что система групп интересов во Франции прошла трудный путь становления. Генезис политической системы и политической философии Франции после революции 1789 г. способствовал тому, что страна долгое время тяготела к общественно-политической модели, в которой центральная роль отводится государству. В этом прослеживается влияние идей одного из главных вдохновителей новой французской

² См.: *Elgie R., Griggs S. French politics: debates and controversies*. L., 2013. P. 158.

³ Цит. по: *Siaroff A. Corporatism in 24 industrial democracies: meaning and measurement // European Journal of Political Research*. 1999. N 36. P. 187–188.

государственности Ж.-Ж. Руссо, для которого закон — это “публичное и формальное провозглашение общей воли относительно предмета, представляющего общий интерес”⁴. А путь к правовому государству, самосохранению и благополучию возможен только если “некоторое число соединившихся людей смотрит на себя как на единое целое”⁵. Реализация общей воли может происходить лишь посредством единого и сильного государства, которое не должно допускать влияния внешних групп на поведение и мысли людей.

Многие положения Декларации прав человека и гражданина от 1789 г. и закона Ле Шапелье от 1791 г. — ключевых документов, заложивших основу французской политико-правовой системы, — фактически отрицали возможность существования организованных групповых интересов, так как это вступало в прямое противоречие с идеей общей воли. Хотя в конце XIX — начале XX в. во Франции были легализованы профсоюзы и дано право на свободу собраний, группы интересов продолжали рассматриваться государством и обществом как неформальное явление. Поэтому в отличие от англо-саксонских систем, в которых в течение XX в. государство все больше открывалось для многочисленных групп интересов, и корпоративистских государств, в которых происходило становление институтов социального партнерства, французская модель оставалась относительно закрытой и избирательной. Согласно А. Колсону, “государство предпочитало сохранять централизованный контроль над различными социальными группами, в первую очередь, трудовыми объединениями”⁶.

В конечном счете это привело к формированию “корпоративизма без труда”, т.е. такой системы взаимодействия групп интересов и органов власти, в которой государство отдает предпочтение наиболее крупным отраслевым объединениям, но не стремится встраивать в процесс принятия решений профсоюзы. Таким образом, во Франции сложилось особое отношение государства к привилегированным группам интересов, имеющим право доступа к процессу принятия решений, и в то же время развилась конфликтная модель взаимодействия государства с профсоюзами. “По сей день, когда на фоне сокращения индустриального сектора экономики французские

⁴ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Опыт о форме Республики (Первый набросок) // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 228.

⁵ Руссо Ж.-Ж. Письма с горы // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. С. 356.

⁶ Colson A., Elgoibar E., Marchi F. Employee representatives in France: employers' perceptions and expectations towards improved industrial relations // Promoting Social Dialogue in European Organizations / Ed. by M. Euwema, L. Munduate, P. Elgoibar, A.B. Garcia. N.Y., 2015. P. 68.

забастовщики выходят на улицы Парижа или жгут костры напротив своих закрывающихся заводов, они следуют традиции конфликтной модели взаимодействия, а не переговоров”⁷.

Конфликтная модель взаимоотношений между государством и профсоюзами является важной характеристикой французской системы групп интересов. Поскольку профсоюзы не имеют постоянных институциональных каналов доступа к процессу принятия решений, они вынуждены транслировать свои интересы посредством неконвенциональных способов, таких как забастовки. Однако забастовки способны лишь временно менять баланс сил, они не складываются в устоявшуюся политику государства по отношению к профсоюзам. Как правило, политика государства по отношению к трудовому законодательству меняется в зависимости от партийных раскладов и программы президента. Так, президент-социалист Ф. Миттеран был более позитивно настроен по отношению к профсоюзам, благодаря чему в 1980-е гг. удалось запустить процесс модернизации механизма согласований интересов между бизнесом и наемными работниками. Данный механизм был усовершенствован после введения законов 1999, 2004 и 2007 гг., согласно которым любое изменение трудового законодательства должно сопровождаться консультациями с представителями профсоюзов⁸. Однако сути конфликтного взаимодействия данные нововведения не изменили. К тому же приход к власти либерального президента Э. Макрона привел к очередному витку противостояния государства с профсоюзами. В частности, одним из первых шагов избранного президента стал пересмотр Кодекса законов о труде, что “существенно ограничило права профсоюзов, гарантии занятости и их отношения с предпринимателями”⁹.

Проблема профсоюзного движения заключается еще и в том, что оно идеологически расколото. Главная конфедерация труда придерживается коммунистических взглядов, Французская демократическая конфедерация труда и Рабочая сила — умеренно социалистических, Французская конфедерация трудящихся христиан и Французская конфедерация труда — право-католических¹⁰. Разобщенность профсоюзного движения ведет к снижению эффективности деятельности данных групп интересов и их вовлеченности в процесс принятия решений.

⁷ Colson A., Elgoibar E., Marchi F. Op. cit. P. 67–68.

⁸ См.: Ibid. P. 68.

⁹ Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы / Отв. ред. В.Я. Швейцер. М., 2017. С. 80.

¹⁰ См.: Elgie R., Griggs S. Op. cit. P. 148.

Важной характеристикой развития системы групп интересов во Франции является то, что она существует в постоянно меняющемся институциональном окружении. Начиная с Великой революции Франция пережила десять глубинных трансформаций политической системы, включая революции, реставрации, диктатуры, республики, не считая многочисленные волны реформ. Важной институциональной предпосылкой развития системы групп интересов в современной Франции стали изменения в политической системе, которые накапливались в течение последней четверти XX в., а в XXI в. вылились в кризис традиционного механизма представительства. Динамика французской политической системы конца XX — начала XXI в. характеризовалась разнонаправленными тенденциями централизации и децентрализации, что напрямую отразилось на взаимоотношении между группами интересов и органами власти. Первой тенденцией стала внутренняя перестройка политической системы в результате конституционной реформы 2000 г., которая сократила президентский срок с 7 до 5 лет, сравнив его со сроком работы парламента. В итоге выборы президента и выборы в парламент проходят в один год с разрывом в несколько месяцев, в результате правящее большинство в парламенте почти гарантированно поддерживает президента, так как избиратели голосуют за партию, представляющую программу президента. Это значительно уменьшает независимую роль законодательной ветви и усиливает роль президента. В 2008 г. была предпринята попытка смягчить последствия реформы 2000 г. — были изменены процедуры принятия решений в парламенте, что наделило его большими полномочиями в подготовке законопроектов по сравнению с правительственной бюрократией.

Это, однако, не смогло остановить развитие общей тенденции снижения роли партий как агрегаторов групповых интересов. Ведущие политические партии утратили доверие большинства, а общий уровень недоверия французов основным политическим институтам в 2016 г. достиг рекордных 70–90%¹¹. Согласно Ж. Грюнбергу и Ф. Хегель, в начале нового столетия Франция “переживает закат устоявшейся двухпартийности”¹². Это является следствием более глубинных изменений, происходящих во французском обществе, таких как растущее отчуждение между элитами и обществом, углубление политико-идеологического раскола, рост евроскептицизма, кризис лево-правой матрицы идеологических координат.

¹¹ См.: Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы. С. 14.

¹² *Grunberg G., Haegel F. Le Bipartisme Imparfait en France et en Europe // Revue Internationale de Politique Comparée. 2007. Vol. 14. N 2. P. 339.*

Второй важной тенденцией стало развитие многоуровневого механизма принятия решений вследствие европеизации и децентрализации политического пространства. Появление органов власти Евросоюза, предоставление большей свободы региональному и муниципальному уровню привели к развитию многоуровневости политики, в которой центральная власть является лишь одним из уровней процесса принятия решений.

В итоге французским группам интересов стало доступно несколько уровней входа в политический процесс. Первый уровень представлен национальными органами власти. Хотя члены обеих палат парламента — Национальной ассамблеи и Сената — обладают правом законодательной инициативы, приоритет отдается законопроектам, поступающим от правительства¹³. Проникновение англосаксонских идей о необходимости дерегулирования бюрократии привело к возникновению независимых агентств, которые стали оттягивать на себя значительную часть готовящихся решений и стали другим важным направлением деятельности групп интересов. При этом, как для унитарного государства, для Франции характерен относительно централизованный процесс принятия решений, что определяет стратегии региональных групп интересов. Поэтому второй уровень взаимодействия — региональный — характеризуется не тем, что в региональных органах власти стало больше лоббизма, а тем, что “региональные группы интересов все чаще лоббируют центральные органы власти”¹⁴. Наконец, третий уровень представлен органами власти Евросоюза, повысившими политический вес многих групп интересов, которые по разным причинам, о чем будет сказано ниже, не могли столь же эффективно влиять на принятие решений на национальном уровне.

Еще одной тенденцией, повлиявшей на усиление роли групп интересов, стало ослабление роли традиционных политических институтов. Пользуясь терминологией Э. Гроссмана и С. Сюрюже, во Франции развивается “общество групп интересов”, в котором последние “лучше выполняют функцию дуги обратной связи между обществом и государством, нежели классические институты представительства”¹⁵. Это создает предпосылки для развития более

¹³ См.: *Liu E.* Systems of government in some foreign countries: France // Research and Library Services Division Legislative Council Secretariat. Hong Kong, 2000. P. 4. URL: <https://www.legco.gov.hk/yr99-00/english/sec/library/990rp08.pdf> (accessed: 03.11.2018).

¹⁴ *Constantelos J.* Interest group strategies in multi-level Europe // *Journal of Public Affairs*. 2007. N 7. P. 46.

¹⁵ См.: *Grossman E., Saurugger S.* Les groupes d'intérêt // *Action collective et stratégies de représentation*. P., 2012. P. 19–20.

плюралистической системы групп интересов, которая становится неотъемлемой частью демократического политического процесса и в то же время меняет механизм взаимодействия между властью и обществом. Впрочем, это не отменяет проблему избирательного отношения государства к группам интересов.

Оценить реальную структуру системы групп интересов во Франции все еще проблематично, однако в последнее десятилетие появилось несколько инструментов, которые позволяют сделать предварительные выводы. Наиболее важным на сегодня источником информации о взаимодействии групп интересов и государства является первый в истории Республики официальный Реестр лоббистов. Согласно пакету законов о повышении прозрачности в законодательном процессе от 2016 г. (Сапэн 2), полностью вступившему в силу в 2018 г., любая группа интересов, которая желает войти в контакт с представителями законодательной или исполнительной власти, обязана зарегистрироваться в публичном реестре при Главном управлении по вопросам повышения политической прозрачности. На декабрь 2018 г. в Реестре насчитывалось 1729 групп интересов, среди которых 33,5% представляли частный сектор (27,5% — частные компании, 6% — бизнес-ассоциации), 25,1 — профессиональные ассоциации, 16,3 — неправительственные организации, 14 — профсоюзы, 7% — лоббистские фирмы, индивидуальных лоббистов¹⁶. При этом из-за особенностей официального определения некоммерческих организаций и профессиональных ассоциаций множество из них также представляют интересы бизнеса. Например, Американская торговая палата или Ассоциация страховщиков зарегистрированы как некоммерческие организации, а Союз металлургической индустрии — как профессиональная ассоциация. Иными словами, реальное число групп, представляющих интересы частного сектора, значительно больше, чем 33,5%.

Вторым по значимости источником информации о системе групп интересов является Реестр лоббизма, действующий на уровне Евросоюза. От Франции в Реестре на декабрь 2018 г. было зарегистрировано 1117 групп. Частные компании и бизнес-ассоциации составляют 30,7% от общего числа групп. Профсоюзы и профессиональные ассоциации составляют 21,2%, неправительственные организации — 20,5, лоббистские фирмы и индивидуальные лоббисты — 9,8, мозговые центры, институты, академические структу-

¹⁶ См.: Le répertoire. Haute Autorité pour la transparence de la vie publique. URL: <https://www.hatvp.fr/le-repertoire/> (accessed: 04.11.2018).

ры — 7,1%¹⁷. В целом, национальный и наднациональный реестры демонстрируют схожую картину. Существует общая тенденция к доминированию групп, представляющих интересы бизнеса, однако профсоюзы, профессиональные ассоциации и неправительственные организации также активно взаимодействуют с органами власти как в Париже, так и в Брюсселе.

Тем не менее, факт регистрации и даже доступа групп интересов к органам власти еще не означает, что влияние на процесс принятия решений завершится успехом. Хотя французский Реестр обязывает группы интересов отчитываться о содержании любой коммуникации с представителями власти посредством личных встреч, телефонных разговоров и переписки, а также раскрывать содержание данных встреч и цель взаимодействия, у нас мало возможностей понять, каким образом подобное влияние превращается в решения и какие именно интересы власть отбирает для реализации собственной политики. Проблема в том, что во Франции пока элементарно не накопилось необходимого количества эмпирических данных и исследований, обобщающих деятельность групп интересов и их влияние на политический процесс. Однако ряд работ все же позволяют делать определенные выводы.

В частности, Р. Элджи и С. Григгс считают, что Франция все еще придерживается традиции межэлитного взаимодействия, а потому наиболее привилегированные группы интересов, в первую очередь представляющие бизнес, имеют больше шансов на успешное влияние. В связи с этим авторы предлагают определять французскую модель лоббизма как секторальный корпоративизм¹⁸. Базовой характеристикой данной модели является то, что “между высшими представителями государства и привилегированными группами интересов в ряде ключевых сфер принятия решений ведется взаимовыгодный торг, исход которого зависит от позиции и информации, предоставляемой руководством групп интересов”¹⁹. Р. Элджи и С. Григгс ставят на первое место именно наиболее влиятельные группы интересов, которые, по их мнению, являются более важными акторами в процессе принятия решения, нежели государство. В то же время государство обеспечивает данным группам доступ к процессу принятия решений. Иными словами, отношения строятся по принципу взаимозависимости, в основе которой находится обмен

¹⁷ См.: Реестр прозрачности Евросоюза. URL: <http://ec.europa.eu/transparencyregister> (дата обращения: 05.11.2018).

¹⁸ См.: *Elgie R., Griggs S. Op. cit. P. 158.*

¹⁹ *Ibid.*

информацией. Данный вывод подтверждается докладом *Transparency International*, согласно которому основой лоббистских отношений во Франции становятся информация и экспертиза, которые группы интересов обменивают на возможность оказывать влияние на процесс принятия решений. “Передача аналитических и экспертных знаний лицам, принимающим решения, либо участие в работе экспертных комитетов позволяют группам интересов создавать более влиятельные коалиции”²⁰.

При этом межэлитные союзы возникают не во всех сферах принятия решений, а лишь там, где действуют привилегированные и доминирующие группы. Ярким примером может служить сельскохозяйственная отрасль, в которой существует доминирующая корпоративная группа Национальная федерация фермерских союзов, имеющая прямой доступ к центрам и лицам, принимающим решения. Подобные группы имеют привилегированный доступ к различным совещательным структурам, комитетам, комиссиям и советам при органах власти, в рамках которых они могут донести свое мнение до политиков и чиновников. Примером данных структур может быть Совет по экономике и социальным вопросам, удостоенный отдельного упоминания в конституции, а также комиссии по модернизации, которые формируют пятилетние планы по развитию ключевых отраслей экономики.

Несмотря на то что французская система групп интересов имеет отдельные черты корпоративизма, хотя и весьма специфического типа, она также находится под влиянием процессов плюрализации. Причем, если обычно плюралистические тенденции являются следствием развития рыночных отношений и децентрализации политического пространства, во Франции они связаны со структурой государственной власти. В своей классической работе о взаимовлиянии государства и рынка Дж. Хейвард показал, что образ централизованного и гомогенного французского государства является крайне упрощенным. В реальности “государство является разобщенным и фрагментированным в той степени, в которой власть рассредоточена между полуавтономными подсистемами, каждая из которых преследует свои цели и имеет свою собственную индустриальную клиентелу”²¹. В результате фрагментации, процесс принятия решений сосредоточивается в “полуплюралистических и в то же время

²⁰ *Transparence et intégrité du lobbying, un enjeu de démocratie // Etat des Lieux Citoyen sur le Lobbying en France. Transparency International France. P., 2014. P. 28.*

²¹ *Hayward J. The state and the market economy: industrial patriotism and economic intervention in France. Brighton, 1986. P. 23.*

элитистских сообществах, предоставляющих свободу действий ключевым акторам, представляющим крупный бизнес, банковский сектор, политическим и бюрократическим лидерам”²².

Подытоживая, можно сказать, что французская модель лоббизма характеризуется сочетанием как корпоративистских элементов, так и плюралистических, однако и те, и другие подчинены логике межэлитного взаимодействия, в котором первичным правом доступа будут пользоваться те группы, которые встроены в межэлитные политические сети. При этом французский секторальный корпоративизм заметно отличается от классического австро-германского и скандинавского варианта, он является менее инклюзивным, так как не направлен на включение в процесс принятия решений более широких слоев населения, ограничиваясь относительно немногочисленными, привилегированными группами. Во французском корпоративизме фактически отсутствует трипартистский элемент и понятие социального партнерства. В то же время плюралистические тенденции отличаются от тех, что можно наблюдать в англо-американских системах, так как это не плюрализм равных возможностей, а плюрализм, вызванный расколотым состоянием французской системы принятия решений и конкуренцией, которая провоцируется конфликтной французской политикой. Если в США или Канаде конкуренция носит более открытый характер, то во Франции механизм доступа групп интересов к государству все еще в значительной степени находится в тени. Французский пример является яркой демонстрацией того, каким образом нестабильное институциональное развитие, расколотая политическая культура и преобладание интересов “избранных” групп сказываются на всей системе групп интересов, которая в конечном счете является отражением того политического пространства, внутри которого она существует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы / Отв. ред. В.Я. Швейцер. М., 2017.

Реестр прозрачности Евросоюза. URL: <http://ec.europa.eu/transparencyregister> (дата обращения: 04.09.2019).

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Опыт о форме Республики (Первый набросок) // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.

Руссо Ж.-Ж. Письма с горы // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.

²² Hayward J. Op. cit. P. 38.

REFERENCES:

Almond G. A comparative study of interest groups and the political process // The American Political Science Review. 1958. Vol. 52. N 1.

Colson A., Elgoibar E., Marchi F. Employee representatives in France: employers' perceptions and expectations towards improved industrial relations // Promoting Social Dialogue in European Organizations / Ed. by M. Euwema, L. Munduate, P. Elgoibar, A.B. Garcia. N.Y., 2015.

Constantelos J. Interest group strategies in multi-level Europe // Journal of Public Affairs. 2007. N 7.

Elgie R., Griggs S. French politics: debates and controversies. L., 2013.

Grossman E., Saurugger S. Les groupes d'intérêt. Action collective et stratégies de représentation. P., 2012.

Grunberg G., Haegel F. Le bipartisme imparfait en France et en Europe // Revue Internationale de Politique Comparée. 2007. Vol. 14. N 2.

Hayward J. The state and the market economy: industrial patriotism and economic intervention in France. Cambridge, 1986.

Le répertoire. Haute Autorité pour la transparence de la vie publique. URL: <https://www.hatvp.fr/le-repertoire/> (accessed: 06.09.2019).

Liu E. Systems of government in some foreign countries: France // Research and Library Services Division Legislative Council Secretariat. Hong Kong, 2000. URL: <https://www.legco.gov.hk/yr99-00/english/sec/library/990rp08.pdf> (accessed: 05.09.2019).

Reestr prozrachnosti Evrosoyuza [EU Transparency Register]. URL: <http://ec.europa.eu/transparencyregister> (data obrashcheniya: 04.09.2019) (in Russian).

Russo Zh.-Zh. Ob obshchestvennom dogovore, ili Opyt o forme Respubliki (Pervyj nabrosok) [On the social contract, or Experience on the form of the Republic (First draft)] // Russo Zh.-Zh. Traktaty. M., 1969 (in Russian).

Russo Zh.-Zh. Pis'ma s gory [Letters from the Mountain] // Russo Zh.-Zh. Traktaty. M., 1969 (in Russian).

Siaroff A. Corporatism in 24 industrial democracies: meaning and measurement // European Journal of Political Research. 1999. N 36.

Transparence et intégrité du lobbying, un enjeu de démocratie // Etat des Lieux Citoyen sur le Lobbying en France. Transparency International France. P., 2014.

Vybory vo Francii 2017 g.: itogi i perspektivy [French elections in 2017: results and prospects] / Otv. red. V.Ya. Shvejcer. M., 2017 (in Russian).